

РЕЦЕНЗИИ

УДК 165.24

**ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ И МИР ЧЕЛОВЕКА
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
ИЛЬИН В.В. ФИЛОСОФИЯ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ:
УЧЕБНИК. – М.: ПРОСПЕКТ, 1919. – 256 С. ¹**

Б.Л. Губман, К.В. Ануфриева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В рецензии содержится анализ недавно опубликованной книги В.В. Ильина, сфокусированной на философии гуманитарного знания. Прослеживаются отличительные особенности предложенного в её формате оригинального подхода к онтологии гуманитарного знания, развиваемой платформе герменевтического видения его задач, познавательных процедур и методологического инструментария, соотношения с науками о природе и места в современной культуре.

***Ключевые слова:** гуманитарные науки, науки о природе, естествознание, герменевтика, понимание и интерпретация, понимание и объяснение, гуманитарные науки в культуре современности.*

Проблема специфики гуманитарного знания, его места в единой панораме способов миропостижения – одна из центральных в современной эпистемологии. Она основательно дискутируется в неклассической философии, начиная со второй половины XIX столетия и по сей день. В постсоветской философии эпистемологическая проблематика, сюжеты, связанные с методологией научного познания, обсуждаются по преимуществу на материале логико-математических, естественных и технико-технологических дисциплин. Это связано, вероятно, с традицией предшествующего советского периода, в формате которого наиболее квалифицированные произведения философско-теоретического характера возникали именно в данном сегменте профессиональной деятельности, позволявшем предельно беспристрастно и по возможности деидеологизированно обсуждать интересующие исследователей темы на фоне освоения идейного потенциала новейших западных концепций. Вполне понятно, что рассуждать о методологии гуманитарного и социального знания можно было лишь в ключе по большей части догматически истолковываемого исторического материализма, всякие девиации от которого просто исключались. Поэтому создание представлений о гуманитарном познании в постсоветский период, хотя и не начиналось с

¹ Рецензия выполнена при поддержке гранта РФФИ «Лингвистический поворот и историческое познание как проблема западной философии второй половины XX – начала XXI века». № 17-33-00047 – ОГН.

нулевого уровня, ибо квалифицированные специалисты владели историко-философскими представлениями о постклассических зарубежных, да и о существовавших вне руслу официальной советской философии отечественных подходах к его интерпретации, потребовало значительных усилий. И до сих пор количество основательных теоретических работ по философии гуманитарного знания значительно меньше, нежели число трудов по философии естествознания и техники. В этом отношении книга В.В. Ильина, сочетающая собственно теоретические задачи раскрытия авторского понимания специфики гуманитарного знания и изложение этого тематического поля в виде учебника для аспирантов, изучающих социально-гуманитарные науки, представляет, вне сомнения, значительный интерес [1].

Обращаясь к разграничению специфики естественнонаучного и гуманитарного знания, В.В. Ильин опирается на те традиционные основания их изучения, которые сложились ещё во времена дискуссий Баденской школы неокантианства с положениями академической философией жизни. Как известно, Г. Риккерт, развивая положения, выдвинутые В. Виндельбантом, отстаивал тезис о том, что в ключе трансцендентальной рефлексии логичнее именовать гуманитарные дисциплины «науками о культуре», нежели «науками о духе», как называл их В. Дильтей. Автор рецензируемой книги, не отвергая и даже разделяя многие тезисы аксиологически окрашенной неокантианской эпистемологии гуманитарного знания, все же скорее склонен трактовать систематизированное гуманитарное знание как «науки о духе», хотя их предметная область и связывается им с постижением реалий культурно-ценностного порядка, рождаемых творческими усилиями человека [1, с. 13]. Возможно, такого рода мыслительный ход связан с тем обстоятельством, что его собственный вариант понимания природы гуманитарного знания опирается на экзистенциально-герменевтическую платформу, дополненную аксиологическим и лингво-семиотическим подходами.

В целом науки социального и гуманитарного плана, по мысли автора, отличны по своему предмету и методу от наук о природе, рассматриваемой вне антропологической перспективы, включенности в мир человека. Сами социальные и гуманитарные науки также различаются им по их объекту и предмету, что диктует и различия методологического характера. В качестве объекта обществознания выделяются институциональные статусные, ролевые, функциональные, структурные характеристики, сопряженные с обменом деятельностью и интеграцией социальных акторов в коммуникативные системы. Предметный срез социальных наук, по его мнению, сопряжен с постижением общественного человека в полноте «межиндивидуальной коммуникации и интеракции» [1, с. 21]. В противоположность обществознанию науки гуманитарные заинтересованы не «эмпирически-фактуальной данностью», а «про-

странством человеческих значений, ценностей, смыслов», которые генерируются и транслируются в культуре. Предмет гуманитарного знания составляет, по определению В.В. Ильина, «человеческая самость в измерении «I» [1, с. 22]. В этом смысле оно противостоит внеличному видению индивида в спектре естествознания и его нивелированию в коллективном «Мы» обществознания. Конечно же, такое разведение общественных и гуманитарных наук в пределе ведет и к методологической полярности объективистского инструментария первых и «понимающей» стратегии вторых, хотя в реалиях различных школ общественно-научных дисциплин сегодня довольно часто встречается обращение к экзистенциальным и феноменологическим установкам (феноменологическая и экзистенциальная социология, этнометодология и т. д.), а гуманитарные дисциплины прибегают к объективистским методам (структурная антропология, школа «Анналов» в истории и т. д.). Рассуждая о возможности «стыковки» не только социального знания с гуманитарным, но и освоения «антропной» перспективы в естествознании, автор высказывает немало интересных и продуктивных положений [1, с. 33–38]. И действительно, не только физика достаточно органично приняла в эпоху постнеклассики антропный принцип, но и гуманистический аспект настойчиво утверждает свою значимость в других областях знания – от клинической психиатрии до экологии.

Онтология гуманитарного, согласно В.В. Ильину, формируется сквозь призму экзистенциальных диспозиций познающего субъекта по отношению к другим людям и предметным реалиям мира. ««Я» получает «свой мир», используя рычаг «одухотворения», «одушевления» бездуховного [1, с. 39]. Тем самым предметный мир обретает ценностно-смысловое наполнение, которое несет, по словам автора, на себе печать своеобразного «параморфизма». Такого рода смыслопорождение знаменует переход вещи в «антропный» универсум, в регистр сопричастности миру человека. В этой связи, конечно, напрашивается тема универсализации производимых человеком смыслов, поскольку именно в этой ипостаси они предстают достоянием интересубъективно значимого мира культуры. Рассуждая об этом процессе, В.В. Ильин говорит о логике параморфного мышления как предполагающей конструирование образа мира на знаково-символической основе, путем «символической инъекции». В этом плане онтология гуманитарного видится ему онтологией возможных миров, где данное преобразуется в «наличную условность» и апеллирует к ирреальному – «неналичной условности». В ключе подобного подхода социокультурная «мирность» будет отличаться плюралистической многослойностью и нефинитностью. Вторжение символического компонента способствует видению онтологии гуманитарного именно в этой перспективе. Отправляясь от такой интерпретации онтологии гуманитарного, автор прослеживает особенности эпистемологии постижения мира человека в гуманитарном знании.

Автор справедливо полагает, что онтология гуманитарного, т. е. специфика мира человека, к которому он принадлежит, задает и основания познавательных процедур этой предметности. Однако трудно согласиться с тем, что таковые принципиально могут быть в целом охарактеризованы как отмеченные лишь печатью субъективной истины, т. е. различной по характеру и ценностной ориентированности индивидуально-личностной убежденностью в правильности собственных утверждений относительно событий человеческого мира в свете избранного идеала [1, с. 50], и, следовательно, отсутствия intersubjectively значимой критериальности их подтверждения. Вызывает сомнение и то, что в гуманитарном постижении мира человека присутствует базовая нечувствительность к требованиям законов формальной логики и интенция на создание неточного знания. Такого рода характеристика приложима лишь к стихотворно-символической, эссеистической, беллетристической разновидностям «гуманитаристики», из области которых и приводятся этой связи в книге примеры [1, с. 54–55], и вряд ли применима к собственно академическим исканиям историков, филологов или искусствоведов. Разумеется, есть разные типы гуманитарного знания, и в академической области степень истинностной оценки и критериальности таковой, равно как и применение логической доказательности, аргументированности и точности построений, будут варьироваться в сочинениях, прибегающих к теоретической аналитике или же выдержанных в ракурсе нарративных построений. Любой уважающий себя и статус своей дисциплины специалист-гуманитарий при всех своих стилистических пристрастиях к образно-символической подаче материала и рефлексивном осознании мировоззренческой несхожести со своими оппонентами не откажется от изучения источников, их внимательной реконструкции, создания продуманных и по возможности непротиворечивых и последовательных экспликативно-теоретических конструкций. Автор и сам говорит о том, что при объяснении индивидуальных актов человеческой деятельности в гуманитарном познании имеет место обращение к своеобразным «суррогатам» номологических обобщений, демонстрирующее континуальность исследовательских практик в рассмотрении феноменов природы и культурной реальности. Да и в целом не стоит забывать, что реально ориентированные на идеал точности науки о природе и гораздо менее жесткое по своему характеру гуманитарное знание роднит конвенциональный характер деятельности специалистов в области семантики номинации изучаемых феноменов, отбора эмпирического материала, исходных теоретических и метатеоретических оснований исследования. Об этом ярко писал А. Данто, критикуя излишний сциентистский объективизм Ч. Бирда в понимании наук о природе, напоминая ему, что и конструкции естествоиспытателя, и построения историка в равной мере отмечены печатью многообразных конвенционалистских допущений.

Герменевтическая платформа в её авторском понимании составляет основу эпистемологического видения специфики познавательных процедур, характерных для гуманитарного знания. «Стратегия понимания, – пишет В.В. Ильин, – реализуется как обнаружение смысла, выявление значения, материализующихся в деятельности, находящих объективацию многообразных символических форм» [1, с. 138]. Понимание, обнаруживающее смысловое наполнение гуманитарной предметности, рассматривается автором как многоуровневое явление, сопряженное с попыткой постоянного углубления в её содержание. Рефлексивная интерпретация выступает при этом как главное средство расширения горизонта и постижения новых смысловых граней изучаемой уникальной гуманитарной предметности, т. е. нефинитной попытки по-иному постигнуть объективации индивидуальной деятельности в знаково-символической форме, открывающие в итоге «Я» их творца.

Учитывая то обстоятельство, что гуманитарная предметность, отмеченная печатью неповторимости, в конечном итоге фиксирует деятельные проявления «Я» в контакте с другими людьми и предметным окружением, В.В. Ильин предлагает и собственное видение взаимосвязи понимания и объяснения. Он справедливо отмечает, что деятельность личности всегда телеологически ориентирована и возникает в сугубо индивидуальном ситуативном контексте, что дает значительной группе авторов, обращавшихся к её истолкованию, основания для рассуждения в крайне номиналистическом ключе, исключающем любую апелляцию к обобщениям типологического свойства, схожим внешне с номологическими конструкциями. В.В. Ильин отвергает «линию нигилизма, негативизма, эмотивизма», отрицающую возможность обращения к номологическим конструкциям в гуманитарном познании, предупреждая одновременно о специфическом характере их применения [1, с. 68]. Он солидаризируется с кантовским акцентом дуальности человеческого поступка, который всегда реализуется в природно-вещном измерении и одновременно нередуцируем к нему, так как мотивация волевого действия субъекта и его экзистенциальная диспозиция по сути своей надприродны и подлежат иному типу описания. У. Дрэй и ряд других теоретиков аналитической философии истории, рассуждая в духе Р.Д. Коллингвуда, писали о возможности «проигрывания» в воображении исследователя случившегося действия с нюансировкой его мотивации и одновременно обращением к стереотипам поведения иных людей в аналогичной ситуации в целях получения его объяснения. Рассуждения типологического типа о стандартах поведения в схожей ситуации по форме напоминают номологическую имплицитивную формулу, утверждая некий стереотип деятельности при определенных обстоятельствах и позволяя, имплицитно используя его, давать объяснение поступку конкретного субъекта через частную причину. По сути, именно такой вариант трактовки объяснения и его номологической составляющей

щей разделяется и В.В. Ильиным [1, с. 69]. В подобном ракурсе объяснение органически соединяется с интерпретацией и служит углублению понимания, его смыслового наполнения.

Гуманитарная предметность в её экзистенциальном и ценностном измерениях, по справедливой мысли автора, всегда дана как материал для понимания в знаково-символической форме, явлена в текстах культуры. «Текст, – пишет он, – упорядоченное множество языковых и неязыковых единиц, лингвистических, логических, предметно-смысловых отношений» [1, с. 144]. Герменевтическая процедура весьма нетривиально анализируется в книге не только на основе классических сочинений её философских интерпретаторов, но и в ракурсе её видения на базе лингвистики и семиотики. В этой связи заслуживает внимания и содержащееся в ней рассмотрение взаимосвязи текста и контекста, релевантной им внетекстовой реальности. Таким образом показывается встреча двух миров – портретируемого мира и мира, воссоздаваемого в тексте.

Сам же текст и его «мирность» оказываются зависимыми от мира читателя. Таким образом рождаются встреча и переплетение второго и третьего миров. Именно в этом, говоря словами Х.-Г. Гадамера, «слиянии горизонтов» миров и реализуется сложная процедура понимания. Читатель-интерпретатор, разгадывая смысл через освоение знаково-смыслового содержания послания текста, опирается, как подчеркивает В.В. Ильин, питается «жизненным опытом, фронезисом, здравым смыслом», а также обращается к фону собственных образных представлений и рационально фиксируемых знаний, эмоционально-волевому началу» [1, с. 200]. И, конечно же, понимание, присутствующее на всех уровнях гуманитарного знания – от архивирования и работы с источниками, получения эмпирии до теоретической интерпретации имеющегося материала в синхронной и диахронно-нарративной формах, критической метанаррации, – предполагает осуществление в диалогическом режиме.

Другой виртуально или реально присутствует в процессе понимания гуманитарной предметности. Диалогическое отношение с ним, как подчеркивает В.В. Ильин, опираясь на наследие М.М. Бахтина, является основной внетекстовой коммуникативной предпосылкой процесса понимания. В режиме диалога раскрывается «конструктивно-реконструктивный» момент процедуры понимания, позволяющий не только выявить содержание наличных смыслов, фиксированных в языке, но и создавать новые [1, с. 233]. Герменевтическая процедура раскрывает смылосозидающий потенциал гуманитарного знания в контексте культуры.

Книга В.В. Ильина раскрывает в оригинальном ключе существенные особенности гуманитарного знания, отличительные черты его онтологических оснований, познавательных процедур и методологического арсенала. Она содержит итог многолетних размышлений автора о

единстве и многообразии поля человеческого познания и может быть, вне всякого сомнения, интересна не только специалистам в области философии, аспирантам и студентам, но и широкому кругу читателей, интересующихся влиянием гуманитарного знания на современную культуру.

Список литературы

1. Ильин В.В. Философия гуманитарного знания: учебник. М.: Проспект, 1919. 256 с.

**HUMANITIES AND THE HUMAN WORLD
BOOK REVIEW:
ILYIN V.V. PHILOSOPHY OF HUMANITIES: TEXTBOOK. –
M.: PROSPECT, 1919. – 256 P.**

B. L. Gubman, K.V. Anufrieva

Tver State University, Tver

The review contains an analysis of the recently published V.V. Ilyin's book, focused on the philosophy of humanities. The distinctive features of the original approach to the ontology of humanities proposed in its format, the developed platform of hermeneutic vision of their tasks, cognitive procedures and methodological tools, the relationship with the natural sciences, and the place in contemporary culture are analyzed.

Keywords: *humanities, natural sciences, hermeneutics, understanding and interpretation, understanding and explanation, humanities in contemporary culture.*

Об авторах:

ГУБМАН Борис Львович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: gubman@mail.ru

АНУФРИЕВА Карина Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: carina-oops@mail.ru

Authors information:

GUBMAN Boris Lvovich – PhD, professor, Chair of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: gubman@mail.ru

ANUFRIEVA Karina Victorovna – PhD, Assoc. Prof. of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: carina-oops@mail.ru